

Правда, на беду, в пятницу произошло непредвиденное происшествие: один из сотрудников получил травму, и Цзянь Ин была полностью занята улаживанием последствий, так что освободиться никак не получалось.

Поскольку назначенное время встречи уже прошло, Цзянь Ин было неловко заставлять Ли Юйцина, который прождал так долго, просто уйти. Она позвонила Хо Тинъи и попросила его о помощи — провести оставшуюся часть интервью.

У Хо Тинъи как раз было свободное время, и он великодушно согласился, попросив переслать ему оставшиеся вопросы.

Когда он прибыл, Ли Юйцин ждал уже полчаса. Он проявил завидное терпение, казалось, у него было полное намерение продолжать ждать столько, сколько потребуется.

Ли Юйцин еще не до конца осознал внезапное появление Хо Тинъи. Он уставился на него и тихо спросил:

— А... где журналистка Цзянь?

Хо Тинъи с легкой улыбкой парировал:

— Что, предпочитаешь, чтобы интервью у тебя брала она?

— Н-нет... — отрицательно замотал головой Ли Юйцин, а его пальцы под столом судорожно сжались в кулаки.

— У Цзянь Ин там кое-что случилось, она не может уйти.

Ли Юйцин заторможенно кивнул и посмотрел, как Хо Тинъи раскрыл принесенный им блокнот, в котором было записано немало вопросов.

— Ну что, начнем?

— ...Хорошо.

Когда Хо Тинъи занимался серьезной работой, от него исходило совершенно иное впечатление. Обычно он был мягким и лучезарным, но в работе проявлял крайнее спокойствие и, казалось, предъявлял к себе высокие требования, из-за чего окружающие тоже невольно заражались этой серьезностью.

То ли оставшиеся вопросы оказались чуть сложнее, то ли присутствие Хо Тинъи напротив вызывало у него неловкость, но чем сильнее Ли Юйцин старался хорошо ответить, тем менее естественным становился.

Он все так же нервничал в его присутствии. Хо Тинъи быстро сделал такой вывод.

— Можешь ли ты отвлекаться, когда рисуешь?

Ли Юйцин снова растерянно моргнул:

— А? Ли Юйцин снова растерянно моргнул: А?..

— То есть, сможешь ли ты отвечать на мои вопросы и одновременно рисовать?
Соприкосновение с самым привычным делом, возможно, поможет унять волнение.

При Ли Юйцине не было ничего, кроме телефона, и он не знал, как ему поступить, но тут Хо Тинъи перевернул его блокнот на чистую страницу в конце и подвинул к нему и тетрадь, и ручку.

— Попробуй.

Зажав в пальцах ручку, Ли Юйцин все еще чувствовал слабое тепло, оставленное ладонью Хо Тинъи на ее корпусе.

Заметив его колебания, Хо Тинъи подбодрил его:

— Рисуй что угодно, лучше всего что-то простое и то, в чем ты силен. Это позволит тебе сосредоточить больше мыслей на ответах.

Немного помедлив, Ли Юйцин прикоснулся кончиком ручки к бумаге и начал выводить линии.

Хо Тинъи дал ему немного порисовать, а затем снова достал телефон и продолжил задавать вопросы — сначала об искусстве, в котором Ли Юйцин хорошо разбирался, а после перешел к тем темам, которые подготовила Цзянь Ин.

Этот способ, похоже, сработал. Ли Юйцин сосредоточил взгляд на рисунке в блокноте, и напускная напряженность и растерянность исчезли. Хотя на вопросы он все еще реагировал чуть медленнее обычного, по крайней мере, теперь он отвечал в куда более комфортном для себя состоянии.

Когда он рисовал, его глаза были опущены, и Хо Тинъи мог отчетливо разглядеть его длинные, выразительные ресницы, отбрасывающие тени. Кожа на веках у Ли Юйцина была совсем тонкой, а черты лица — мягкими и неброскими. Его нельзя было назвать писанным красавцем с первого взгляда, но от него исходило какое-то удивительно уютное ощущение, к нему хотелось приглядеться, и он выглядел аккуратнее и утонченнее большинства парней.

Сталкиваясь с вопросами, на которые было сложно ответить, он на мгновение останавливал

руку, обдумывал ответ и лишь потом неторопливо говорил.

Речь его была размеренной, и Хо Тинъи терпеливо ждал, изредка поглядывая на его рисунок, хотя разобрать, что именно тот изображает, было трудно.

— При каких обстоятельствах ты начал заниматься живописью?

— В детстве я встретил на улице пожилого художника, который рисовал прямо на мостовой. Мне показалось, что он невероятно крут, я простоял рядом очень долго. Он разрешил мне попробовать порисовать вместе с ним, и когда я увидел узор, рождающийся из-под моей собственной руки, возникло такое неуловимое чувство... В тот момент у меня внезапно промелькнула мысль, что я тоже хочу этому научиться, — неторопливо поведал о своем детском опыте Ли Юйцин.

— Вот почему в старшей школе ты выбрал художественное направление?

— Да.

— Личный вопрос: как называлась твоя картина на выставке ученических работ в выпускном классе?

Ли Юйцин замер и поднял взгляд, встречаясь глазами с Хо Тинъи. Выражение лица того оставалось совершенно обычным, и за ним невозможно было угадать никаких скрытых мыслей. Ли Юйцину почему-то показалось, что здесь что-то не так: с чего вдруг зашел разговор о его старшей школе и той картине? Казалось, будто какие-то чувства вот-вот пробьются наружу, хотя Ли Юйцин был уверен, что прятал свою симпатию достаточно глубоко, чтобы никто не догадался.

— Мм?

— ...Кость луны.

Хо Тинъи кивнул без особого удивления — ответ он знал уже давно.

— Ты же слушал мои радиоэферы, верно?

— Да.

Хо Тинъи помолчал несколько секунд, а затем негромко усмехнулся:

— Пусть сейчас это звучит немного запоздало, но все равно спасибо тебе за то время. Я думал, меня никто не слушает, так что это стало для меня своего рода утешением.

Ли Юйцин почувствовал неловкость, а его щеки обдало приятным жаром. Он очень тихо, словно сам с собой, пробормотал:

— Нет... это я должен тебя благодарить.

Было множество моментов, когда именно радиоэфир Хо Тинъи неизменно сопровождал Ли Юйцина, словно старый друг, с которым видишься каждую пятницу и который принимает все твои эмоции.

Хо Тинъи не расслышал и переспросил, что он сказал.

Ли Юйцин покачал головой и не стал продолжать.

Рисунок подходил к концу, и Хо Тинъи задал последние два вопроса. Когда интервью подошло к концу, Ли Юйцин вернул ручку и блокнот владельцу.

Только тогда Хо Тинъи заметил, что на бумаге был изображен крупный план человеческой руки. И чем дольше он смотрел, тем сильнее эта рука напоминала его собственную. На запястье его левой руки была светлая родинка, и на рисунке она тоже присутствовала. Раньше он и не подозревал, что Ли Юйцин обладает такой наблюдательностью, хотя в сложившейся ситуации это было вполне объяснимо.

Он вздохнул:

— На самом деле я даже завидую тебе. Превратить то, что любишь, в свою профессию — это здорово.

Он вспомнил себя, вспомнил время, когда его самого больше всего привлекали вовсе не журналистика и репортерское дело, а астрономия.

Отец Хо Тинъи был известным профессором журналистики и возлагал на сына большие надежды; они оба считали, что ему следует продолжить этот путь. Когда пришло время заполнять документы при поступлении, вузом его мечты был тот, где он хотел изучать астрономию, а журналистика шла запасным вариантом на случай распределения. По иронии судьбы, на астрономическое отделение он не прошел.

— Вовсе нет, — тихо возразил Ли Юйцин. — Заниматься тем, что тебе всегда нравилось, может каждый. А вот успешно справляться с тем, что не особо по душе, — вот это по-настоящему круто.

<http://bllate.org/book/26688/3196821>